

Разумеется, это блистательный, кавалерийский, рококошный от внутренней мощи роман. Давним охотникам до барнсовских штучек в «Как всё было» раздолье: тут тебе и тотальная ирония, и сердечная франкофилия, и тонкие замечания о природе английскости, и виртуозная композиция... Это роман-конференция: в нем нет ни единого слова от автора. Персонажи, отделенные друг от друга, по очереди докладывают о случившихся с ними событиях — свой вариант; привирают, конечно, не без этого. Автор по-малкивает, но его присутствие непостижимым образом чувствуется в романе... Сюжет прост, как «Колобок»: два закадычных приятеля и одна девушка, участники любовного треугольника, никак не могут поделить друг друга.

*Лев Данилкин
(Афиша)*

По-милосердному элегантно и в то же время чрезвычайно поучительное решение предложил своим запутавшимся в любовном треугольнике героям Джулиан Барнс. Для оставившей мужа героини все обошлось без принудительной высадки на рельсы, а для обманутого мужа был разработан облегченный вариант «отелловского» сценария. А все потому, что персонажи, как люди современные, все происходящее проговаривают... Они сами расскажут, «как всё было».

Коммерсант Weekend

Книга начинается с предложения: «Врет, как очевидец (Русская поговорка)» — и заканчивается предложением: «Ты — старый дурень. В тебе, наверно, есть английская кровь». Между ними — три персонажа, представляющие три стороны любовного треугольника, рассказывают историю, каждый — свою. Как это было с его точки зрения. Иногда рассказ получается смешным, иногда трогательным, порой персонажи привирают (ведь нам, читателям, со стороны все видно), а порой они пронзительно искренни. Время от времени автор дает слово и каким-нибудь проходным персонажам. Никаких описаний: вся книга состоит из монологов и высказываний тех самых очевидцев, которые, по мнению автора и неизвестного русского гения, так замечательно врут. Никаких назиданий, комментариев, и вообще никакого намека на то, что у автора есть свой взгляд, отличный от взгляда его героев. Читателю самому придется решать, как реагировать на происходящее: плакать ли, смеяться ли, или все сразу.

Pulse

«Как всё было» — не просто современная комедия манер, но самая умная и забавная книга последних лет.

Chicago Tribune

Голоса трех рассказчиков с ювелирной тонкостью переплетаются, их истории противоречат друг другу — порой трогательно, а порой совершенно уморительно.

Village Voice Literary Supplement

Барнс — непревзойденный мастер иронии. Все детали современной жизни он улавливает и передает со сверхъестественной тщательностью.

London Review of Books

Тонкий юмор, отменная наблюдательность, энергичный слог — вот чем Барнс давно пленил нас и продолжает пленять.

The Independent

В своем поколении писателей Барнс безусловно самый изящный стилист и самый непредсказуемый мастер всех мыслимых литературных форм.

The Scotsman

Джулиан Барнс — хамелеон британской литературы. Как только вы пытаетесь дать ему определение, он снова меняет цвет.

The New York Times

Как антрепренер, который всякий раз начинает дело с нуля, Джулиан никогда не использует снова тот же узнаваемый голос... Опять и опять он изобретает велосипед.

Джей Макинерни

Лишь Барнс умеет с таким поразительным спокойствием, не теряя головы, живописать хаос и уязвимость человеческой жизни.

The Times

По смелости и энергии Барнс не имеет себе равных среди современных британских прозаиков.

New Republic

Современная изящная британская словесность последних лет двадцати — это, конечно, во многом именно Джулиан Барнс.

Российская газета

Тонкая настройка — ключевое свойство прозы букеровского лауреата Джулиана Барнса. Барнс рассказывает о едва уловимом — в интонациях, связях, ощущениях. Он фиксирует свойства «грамматики жизни», как выразится один из его героев, на диво немногословно... В итоге и самые обыденные человеческие связи оборачиваются в его прозе симфонией.

*Майя Кучерская
(Psychologies)*

КАК
ВСЁ
БЫЛО

Посвящается Пат

Врет, как очевидец.

Русская поговорка

НИКТО НЕ ПРИШЕЛ, НЕ ПРИШЛА, НЕ ПРИШЛИ

СТЮАРТ: Меня зовут Стюарт, и я все прекрасно помню. Стюарт — это мое имя. А фамилия — Хьюз. Стюарт Хьюз, если полностью. Второго имени нет. Хьюз — фамилия моих родителей. Под этой фамилией они прожили в браке двадцать пять лет. А меня назвали Стюарт. Мне сначала это имя не особенно нравилось — в школе дразнили Тютя, или Тюря, или еще как-то, — но теперь я к нему привык. Так и буду им пользоваться, пока не отвыкну.

Я, к сожалению, не очень-то умею острить, мне много раз говорили. В общем, Стюарт Хьюз — по мне, годится. Я не хотел бы называться Сент-Джон Сент-Джон де Вир какой-нибудь там Пембрук. Фамилия моих родителей была Хьюз. Теперь они умерли, но их фамилию ношу я. И когда я умру, меня все равно будут звать Стюарт Хьюз. В нашем грандиозном мире не так-то много бесспорных фактов, но это — факт, и спорить тут не о чем.

Вы поняли, к чему я веду? Нет, конечно, откуда вам. Я же только начал говорить. Вы меня еще совсем не знаете. Давайте начнем по новой. Привет, я — Стюарт Хьюз, рад познакомиться. Пожмем друг другу руки? Вот и прекрасно. Я просто хочу сказать,

что все остальные здесь поменяли имя. Интересное наблюдение. Даже жутковатое.

И вот смотрите. Как правильно говорить: поменяли имя или поменяли имена? Это я нарочно так сказал, чтобы поддразнить Оливера. У нас с ним на эту тему был страшный скандал. Ну, не скандал, спор. Так сказать, диспут, расхождение во взглядах. Этот Оливер, он жуткий зануда. Он мой самый старинный друг, так что я имею право называть его жутким занудой. Джилл, когда познакомилась с ним (Джилл — это моя жена Джиллиан), сказала:

— А знаешь, твой друг говорит, как энциклопедический словарь.

Мы сидели на пляже, приехали из Фринтона, и как только он это услышал, сразу принялся за свои выкрутасы, у него они называются фантазмы, но это не мое слово. Я все равно не смогу изобразить, как он изощряется, это вам надо слышать самим, прицепится к какому-нибудь слову, и пошло-поехало. И тогда тоже:

— Какой же я словарь? Двуязычный? С алфавитным индексом на обреше? — И так далее. А под конец спрашивает: — Кто же захочет меня приобрести? Неужели никто? Никому не нужен. Обложка в пыли. Меня распродадут по сниженной цене, я уже вижу. Дешевая распродажа!

Запрокинул голову и давай выть в голос и шлепать ладонями по песку. Настоящий телеспектакль. Рядом за щитом от ветра пожилая пара с радиоприемником, так они прямо испугались. А Джиллиан только посмеялась.

Но это правда, что Оливер зануда. Не знаю, как вы относитесь к тому, когда говорят: «пара» и «испуга-

лись»? Наверно, вообще не обращаете внимания, велика ли важность. Но мы — Оливер, Джиллиан и я — затеяли по этому поводу диспут. С чего началось, не помню. У нас у каждого была своя точка зрения. Сейчас попробую изложить наши взгляды. Лучше всего, наверно, в виде протокола прений, как в правлении банка.

ОЛИВЕР заявил, что парные и множественные слова требуют глагола во множественном числе, а с относительными и отрицательными местоимениями в прошедшем времени употребляется глагол в единственном числе и в мужском роде. Иначе получится: «Никто не пришла», «Кто-нибудь подумали бы» и так далее.

ДЖИЛЛИАН возразила, что нельзя из обобщенного высказывания исключать половину человеческого рода, ведь в пятидесяти процентах случаев эти «кто-нибудь» и «никто» женского пола, так что по справедливости и по логике надо говорить: «Кто-то сказал или сказала», «Никто не пришел и не пришла».

ОЛИВЕР заметил, что мы обсуждаем грамматику, а не сексуальную политику.

ДЖИЛЛИАН сказала, что эти вещи нельзя разделять, ведь грамматику писали грамматисты, а они почти все или даже все без исключения — мужчины, чего от них ожидать; и вообще так подсказывает здравый смысл.

ОЛИВЕР закатил глаза, закурил сигарету и объявил, что само выражение «здравый смысл» внутренне противоречиво, если бы человек издревле полагался — тут он будто бы смутился и поправился: полагался или полагалась на здравый смысл, мы бы

по сию пору обитали в глинобитных хижинах, питались всякой гадостью и слушали пластинки Дэла Шеннона¹.

СТЮАРТ внес предложение: поскольку мужской род звучит неточно, или оскорбительно, или и то и другое, а употреблять обе формы с союзом «или» громоздко и непривычно, напрашивается решение — пользоваться в таких случаях множественным числом: «Кто-нибудь подумали», «Никого не пришли». Стюарт выдвинул это компромиссное предложение в полной уверенности, что все будут довольны, и был изумлен тем, что его единодушно отвергли остальные участники диспута.

ОЛИВЕР сказал, что такая, например, фраза: «Кто-то просунули голову в дверь» звучит так, как будто бы человека два, но у них на двоих одна голова, эдакая жертва страшных советских опытов над людьми. Он упомянул также уродов, которых в прежние времена показывали на ярмарках, бородатых женщин, овечьих зародышей с отклонениями и еще множество подобных феноменов, но был призван к порядку и лишен слова Председателем (= мною).

ДЖИЛЛИАН заявила, что формы множественного числа звучат так же громоздко и глупо, как и перечисление через союз «или», и почему бы уважаемому собранию не быть последовательным до конца? Поскольку на протяжении многих веков от женщин требовали, говоря о людях вообще, пользоваться мужским родом, может быть, теперь внести в порядке

¹ *Дэл Шэннон* (1934–1990) — американский эстрадный певец, в Англии пользовался особенной популярностью в 1960-е годы. (Здесь и далее — примеч. перев.)

компенсации, хоть и с опозданием, радикальные поправки, даже если они придутся кое-кому из мужского рода поперек горла?

СТЮАРТ продолжал настаивать на множественном числе, представляющем собой средний путь.

И на этом заседание было закрыто на неопределенный срок.

Я потом долго думал об этом разговоре. Три вполне разумных человека спорили по поводу нескольких мелких частных в употреблении глаголов и местоимений. И не смогли прийти к согласию. И это притом еще, что мы друзья. А договориться не смогли. Что-то в этом меня тревожило.

А как я вообще вышел на эту тему? Ах да. Все вокруг поменяли имя. Действительно, так оно и есть. И заставляет задуматься. Джиллиан, например. Она сменила фамилию, когда вышла за меня замуж. Девичья ее фамилия была Уайетт, а теперь она стала Хьюз. Я не льщу себя мыслью, что ей очень хотелось взять мою фамилию. Скорее она хотела избавиться от фамилии Уайетт. Ведь это фамилия ее отца, а с отцом у нее были плохие отношения. Он бросил ее мать, и та потом много лет вынуждена была носить фамилию человека, который ее оставил. Не очень-то приятно для миссис Уайетт, или мадам Уайетт, как ее зовут некоторые, потому что она родом француженка. Я так подозреваю, что, возможно, Джиллиан хотела освободиться от фамилии Уайетт и этим прервать всякие связи с отцом (который, кстати сказать, даже не присутствовал на нашей свадьбе), показать мамаше, как та должна была поступить в свое время. Впрочем, мадам Уайетт не послушалась намека, если тут вправду был намек.

Что характерно, Оливер сказал, что тогда Джилл должна после замужества называться миссис Джиллиан Уайетт-или-Хьюз, раз уж ей так хочется быть до конца логичной, и грамматичной, и разумной, и справедливой, и чтобы без пол-литра не выговорить. Вот такой он, Оливер.

Оливер. Его не так звали, когда мы познакомились. Мы с ним вместе учились в школе. Там он носил имя Найджел или иногда Н. О., а бывало, что Расс, потому что, вообще-то, он Найджел Оливер Рассел. Но Оливером его не звал никто. По-моему, мы даже и не знали, что означает буква О в его имени. Может быть, он что-нибудь нам наврал про это. Но факт таков. Я в университет не пошел. А Найджел поступил. И уехал. А после первого семестра вернулся уже Оливером. Оливер Рассел. А букву Н он вообще выкинул из своего имени, даже из чековой книжки.

Вот видите, я все помню. Он отправился в свой банк и заставил их там напечатать новые чековые книжки и подпись изменил, вместо «Н. О. Рассел» стал подписываться «Оливер Рассел». Я удивился, что ему позволили. Я думал, для этого нужно официально оформить изменение имени. Спрашивал у него, но он мне не объяснил. Сказал только, что пригрозил перевести свой «выбранный до нуля счет» в другой банк.

Я не такой сообразительный, как Оливер. В школе я иногда получал более высокие отметки, чем он, но это — когда он не старался. Я лучше учился по математике, по физике и химии и где надо было что-то делать руками — он от одного взгляда на сверлильный станок в мастерской сразу притворялся, буд-

то падает в обморок, — но уж если он в чем-то захочет меня переплюнуть, то переплюнет обязательно. Да и не меня одного, всякого. И он отлично ориентируется в обстановке. Когда на занятиях по военному делу была военная игра, Оливер всегда оказывался освобожденным. Вообще он здорово соображает, когда ему надо. И он мой лучший друг.

Оливер был у меня шафером на свадьбе. Не в буквальном смысле, это была не свадьба, а регистрация в мэрии, там шаферов не бывает. У нас даже спор возник по этому поводу, совершенно дурацкий; расскажу как-нибудь в другой раз.

Был чудесный июньский день, для свадьбы в самый раз. Небо с утра голубое, слабый ветерок. И нас шестеро: мы с Джилл, Оливер, мадам Уайетт, моя сестра (теперь разведенная, но тоже поменяла фамилию на мужнюю — что я вам говорил?) и престарелая тетка, десятая вода на киселе, которую мадам Уайетт выкопала в последнюю минуту. Ее фамилии я не расслышал, но наверняка не девичья.

Регистратор, солидный мужчина, держался в меру официально. Кольцо, которое я купил, лежало, поблескивая, на фиолетовой бархатной подушечке, пока не подошло время надеть его на палец Джилл. Я повторял слова брачного обета немного слишком громко, они отдавались от светлых дубовых стеновых панелей; а Джилл, наоборот, говорила почти шепотом, мы с регистратором и то едва слышали. Джилл и я были счастливы. Свидетели расписались в книге записей. Регистратор вручил Джилл брачное свидетельство и сказал: «Оно — ваше, миссис Хьюз, а этот молодой человек не имеет к нему никакого отношения». На фасаде мэрии были большие город-

ские часы, под ними мы фотографировались. Первый снимок на пленке показывает 12 часов 13 минут, мы уже были женаты три минуты. А на последнем снимке — 12 часов 18 минут, мы женаты уже восемь минут. Некоторые кадры получились в несурзном ракурсе, это Оливер валял дурака. Потом мы все пошли в ресторан и ели лососину на гриле. С шампанским. Оливер произнес речь. Он сказал, что ему полагается пить за здоровье невестинной подружки, но поскольку таковой в наличии не имеется, он с полным правом провозглашает тост за Джилл. Все засмеялись и захлопали, а Оливер принялся выражаться длинными учеными словами, и как скажет какое-нибудь непонятное ученое слово, мы кричали «ура». Мы сидели вроде как в такой задней комнатке, и один раз, когда он произнес особенно мудренное слово и мы особенно громко его приветствовали, к нам заглянул официант — узнать, не просим ли мы еще чего-нибудь, — и тут же скрылся. Оливер закончил речь, сел, его стали одобрительно хлопать по спине, а я сказал:

— Между прочим, сейчас *кто-то сунули* голову в дверь.

— Чего им надо было?

— Да нет же, — повторил я. — Кто-то сунули голову в дверь.

Он спросил:

— Ты что, спьяну?

Должно быть, он уже забыл. Видите? А я помню. Я все помню.

ДЖИЛЛИАН: Знаете что? По-моему, это никого не касается. Ей-богу. Я обыкновенное частное лицо. И сказать мне нечего. Теперь куда ни повернись,

всюду полно людей, которые жаждут рассказать вам все о себе. Развернешь газету — там надрываются: «Выслушайте историю моей жизни!» Включишь телевизор — чуть не в каждой передаче кто-нибудь описывает свою жизнь, проблемы, разводы — как он или она рос или росла без отца, чем болел или болела, как страдал или страдала алкоголизмом, наркоманией, перенес или перенесла сексуальное насилие, банкротство, рак, или ампутацию, или психотерапию. Того оскостили, у этой отняли грудь, у кого-то вырезали аппендикс. Для чего это все рассказывать? Посмотрите на Меня! Выслушайте Меня! Неужели нельзя просто жить, как живется? Зачем обо всем непременно рассказывать?

Но из того, что у меня характер не исповедальный, вовсе не следует, что я беспамятная. Я помню, как мое венчальное кольцо лежало на толстой бархатной подушечке, как Оливер листал телефонную книгу в поисках смешных фамилий, помню, что я чувствовала. Но это все не для общественного пользования. Что я помню — мое дело.

ОЛИВЕР: Привет, я Оливер, Оливер Рассел. Сигарету хотите? Нет, конечно, я так и думал. Не против, если я закурю? Разумеется, я знаю, что это вредно для моего здоровья, оттого и люблю. Надо же, мы только-только познакомились, и вы уже наседаете на меня, как кровожадный защитник природы. Вам-то какое дело? Через пятьдесят лет меня уже не будет на свете, а вы будете бегать юркой ящеркой в массажных сандалиях, сосать йогурт через соломинку и пить коричневую болотную жижу. Нет, по мне, лучше уж так.

Изложить вам мою теорию? Нам всем суждено умереть либо от рака, либо от инфаркта. Люди делятся на два основных типа: на тех, что закупаживают свои эмоции, и тех, что выпускают их со свистом наружу. Или, если угодно, на интровертов и экстравертов. Интроверты, как известно, держат все в себе — всю свою злость и самоотвращение, и эти сохраняемые внутри чувства, как опять же хорошо известно, порождают в их организме рак. Экстраверты же, наоборот, в открытую злятся на весь мир, перенося на других то отвращение, что испытывают к самим себе, и такие эмоциональные перегрузки вполне логично приводят к инфарктам. Либо то, либо это, третьего не дано. Так вот, лично я — экстраверт, и если казню себя курением, зато не бросаюсь на людей и в результате оказываюсь нормальным, уравновешенным человеком. Вот такая у меня теория. А кроме того, у меня никотиновая зависимость, я курю с удовольствием.

Я Оливер. Я помню все, что существенно. А по поводу памяти могу сказать следующее. Заметьте, что большинство людей, которым за сорок, стонут и воют, как электропила, что у них, мол, память испортилась, стала хуже, чем была, или хуже, чем хотелось бы. А чего тут удивляться, по правде-то говоря? Зачем они держат в памяти столько ненужного хлама? Представьте себе огромный мусорный контейнер, доверху наполненный всякой дребеденью, — тут и совершенно заурядные воспоминания детства, и пять миллионов спортивных результатов, и лица разных несимпатичных людей, и сюжеты мыльных опер, и сведения, как удалять с ковра пятна от крас-

ного вина, и как зовут их парламентского депутата, и так далее, и тому подобное. Какое нахальство! Неужели они воображают, будто для памяти ценен весь этот вздор? Представьте себе ее в виде дежурного по камере хранения на многолюдном вокзале, где вы оставили до востребования вашу жалкую поклажу. А есть ли из-за чего человека затруднять? И за такую мизерную плату! Да еще и спасибо не услышишь. Неудивительно, что там в окошке часто никого не дозовешься.

Я лично вверяю своей памяти только такие вещи, которые она будет хранить с сознанием важности возложенной на нее задачи. Например, я никогда не запоминаю телефонные номера. Свой номер еще с горем пополам помню, но если бы и пришлось поискать в телефонной книге против имени Оливера Рассела, тоже не велика беда. Некоторые люди, горькие выскочки в царстве мысли, твердят, что память-де надо упражнять, чтобы сохраняла подвижность и хорошую форму, как спортсмен. Ну да кто не знает, чем кончают спортсмены. Гребцы с раздутыми плечами едва доживают до средних лет, футболисты мучаются скрипучим, как старая дверь, артритом. Разрывы сухожилий, заживая, деревенеют, диски спекаются. Побывайте на встрече старых одноклубников, и вы увидите гериатрическую больничную палату. А ведь если бы они не перетруждали сухожилия...

Словом, я свою память стараюсь щадить и баловать и подкидываю ей, чтобы не соскучилась, только отдельные лакомые кусочки. Например, тот обед после свадьбы. Мы пили прекрасное молодое игристое

шампанское, выбор Стюарта (марку, убейте, не помню; *mis en bouteille par Les Vins de l'Oubli*¹ и ели *saumon sauvage grillé avec son coulis de tomates maison*². Я бы выбрал другое, но со мной не советовались. Нет, все было хорошо, может быть, чуть-чуть не хватало фантазии... Мадам Уайетт, с которой мы сидели рядом, была, судя по всему, вполне довольна, во всяком случае, семга ей уж точно понравилась. Но она старательно отодвигала розовые прозрачные кубики, окружавшие рыбу, а потом повернулась ко мне и спрашивает:

— Что бы это такое могло быть, по-вашему?

— Помидор, — удовлетворил я ее любопытство. — Со снятой кожицей, вырезанной сердцевинкой, удаленными зернышками и нарезанный кубиками.

— Что за идея, Оливер, выделить и удалить все, что придает овощу его характер?

Здорово сказано, а? Я взял ее руку и поцеловал.

В то же время, боюсь, я не смогу вам сказать, был ли Стюарт на своей свадьбе в средне-темно-сером костюме или же в темно-темно-сером.

Понимаете меня?

Помню, какое в тот день было небо: облака вились и клубились, как узор на форзаце старой книги. Немного слишком ветрено. Входя в мэрию, все приглаживали волосы. Потом ждали десять минут у низкого столика, на котором лежали три лондонские телефонные книги и три экземпляра «Желтых страниц». Олли развлекал компанию, выбирая в справочнике

¹ Розлив фирмы «Вина забвения» (*фр.*).

² Свежеразделанный лосось на гриле под фирменным томатным соусом (*фр.*).

подходящих специалистов, скажем, в рубрике «Бракоразводные дела» или «Продажа резиновых изделий». Но смех не разгорался. Потом нас впустили. Встретил нас маленький и тусклый прилизанный чиновник, на плечах — россыпи перхоти, будто пыльным мешком ударенный. Представление прошло, можно считать, с успехом. На лиловом бархатном ложе поблескивало кольцо, похожее на внутриматочное противозачаточное устройство. Стюарт прокричал свой текст, будто стоял перед военно-полевым судом и недостаточно громко и внятно произнесенное слово означало несколько дополнительных лет за решеткой. А бедняжка Джилл пролепетала свои ответы еле слышно. По-моему, она плакала, но присматриваться я считал вульгарным. Потом мы снова вышли на крыльцо, где были сделаны снимки. У Стюарта, на мой вкус, был невозможно самодовольный вид. Конечно, он мой лучший друг и праздновалась его свадьба, но его просто распирало от самодовольства, поэтому я позаимствовал фотоаппарат и объявил, что надо сделать несколько художественных снимков для свадебного альбома. Я плясал вокруг новобрачных, и снимал из положения лежа, и поворачивал объектив на 45 градусов, и подходил так близко, что все поры видны, но на самом деле цель у меня была одна: запечатлеть на пленке Стюартов двойной подбородок. А человеку всего тридцать два года. Ну, может быть, двойной подбородок — слишком сильно сказано; просто обвисшие свиные брылья. Но фотообъектив в руках истинного художника способен придать им выпуклость и лоск.

Стюарт... Нет, погодите. Вы ведь с ним уже говорили, верно? Говорили, говорили, я вижу. Я почув-

ствовал по легкому сомнению во взгляде, когда упомянул двойной подбородок. То есть вы не заметили? Ну, может быть, в полумраке, и освещение сзади... Да он еще, наверно, выдвинул нижнюю челюсть для эффекта. По моему мнению, такой подщечный мешок меньше бросался бы в глаза, если бы стрижка была подлиннее, но он никогда не дает жизненного пространства своей жесткой мышшиной шевелюре. И это при круглой физиономии и глазах-пуговках, добродушно выглядывающих из далеко не модных очков. Я хочу сказать, он симпатяга малый, но нуждается в обработке, вы согласны?

Как вы сказали? Он был без очков? Не может быть. Я знаком с ним еще с тех времен, когда он был учителю по колено, и он всегда... ну, не знаю, разве что он тайно перешел на линзы и проверял их на вас. Ну хорошо. Возможно. Все возможно. Допускаю, что он хотел придать своему лицу более агрессивное выражение, чтобы у себя в офисе в Сити, где он глязет на нервно дрожащий экранчик и твякает в мобильничек насчет нового транша фьючерсов на свинец, или как это все у них называется, чтобы в этой своей норке выглядеть хоть самую малость мужественнее, чем мы наблюдаем его в реальной жизни. Но в магазинах «Оптика», особенно торгующих оправами в старинном вкусе, он исправно поддерживает коммерцию с тех еще времен, когда мы учились в школе.

А что вы ухмыляетесь? Мы вместе учились... А-а, понимаю. Стюарт напел вам про то, что я изменил имя, верно? Это у него пунктик. Сам-то он Стюарт Хьюз, такое гладкое, скучное имя, гарантированная успешная карьера в торговле мягкой мебелью, где